

В Челябинске готовилось новоселье — драматический театр имени Цвиллинга собирался переезжать в новое здание, белое, красивое... и не очень удобное для театра. Зрительный зал смотрелся великолепно — удобный, компактный. Но мастерские оказались не очень удобными, закулисная часть — тоже. Впрочем, так бывает часто. Прекрасная зрительская часть и страдающая многими недостатками закулисная — к сожалению, довольно распространенное явление во вновь построенных театрах. Но, во всяком случае, новое здание — это практически гарантированные аншлаги на весь первый сезон: люди идут в театр, чтобы посмотреть, как он выглядит, и не нужно особенно гнаться за так называемыми «кассовыми» спектаклями.

Такая возможность — отнюдь не лишняя даже в Челябинске, хотя театр здесь живет благополучно. Каждый вечер я видел, что зал полон и в старом здании — новоселье пришлось отложить, как говорится, по техническим причинам.

Это объясняется и наблюдающимися в последние годы театральным «бумом», и многолетней работой в театре его главного режиссера Н. Орлова. Собственно, одно тут вытекает из другого — широкий зритель в принципе готов пойти в театр, но нужен все-таки некий толчок, импульс. В начале 70-х годов Челябинский драматический не пользовался особой популярностью, и перелом наступил отнюдь не сразу после прихода в театр Н. Орлова — понадобилось несколько лет целенаправленной работы. Сущность ее режиссер определяет так: отказались от «кассовых», «шлягерных» спектаклей и обратились к жанрам, новым для зрителя.

Ведь уповая на «шлягеры», театр рубит сук, на котором сидит, сам отдаст своего зрителя кинематографу и телевидению, у которых «шлягерных» возможностей гораздо больше. Поэтому единственному в городе более чем с миллионным населением драматическому театру есть прямой резон (в том числе и коммерческий) брать курс на серьезную драму, воспитывая своего зрителя.

Может показаться, что помлюсь в открытые двери. Однако количественный рост зрителей далеко не всегда означает рост качественный. И вот я иду

У МУЗ НЕТ
ПЕРИФЕРИИ

ПЕРЕД НОВОСЕЛЬЕМ, ИЛИ НА КАКОЙ СПЕКТАКЛЬ ПОЙДЕТ ЗРИТЕЛЬ?

в драматический театр смотреть пьесу А. Гельмана «Наедине со всеми». Тут необходимо небольшое предисловие: пьесу эту здесь поставили первыми, чем, естественно, театр гордится, и поставил ее А. Морозов — руководитель много лет существующего в Челябинске самодеятельного театра «Манекен».

В спектакле «Наедине со всеми», поставленном Морозовым на профессиональной сцене, ощущается его твердая режиссерская рука, властно оберегающая актеров и от так называемой «сочной» игры, и от самоцельного психологизма. В пьесе А. Гельмана органично сочетаются так называемое личное и социальное: семья Голубевых распадается потому, что Наташа в свое время придавала очень уж большое значение продвижению мужа по служебной лестнице, и потому, что, продавившись, Андрей стал другим человеком — таким, с которым Наташа жить уже не может.

А. Готовцева и А. Варфоломеев играют эту неселую историю предельно точно. Играют смысл ее, не уклоняясь ни в мелодраму, ни в публицистику, о таком исполнении Станиславский говорил: вы можете сыграть лучше или хуже, но вы должны сыграть верно.

А зрители? А зрители иначе пользоваться любым поводом, чтобы посмеяться. Но постепенно раскрывалась суть пьесы, ее смысл. Челябинский зритель, я думаю, сегодня находится в состоянии, так сказать, неустойчивого равновесия — театр предлагает ему спектакли, насыщенные серьезными мыслями, и он, зритель, охотно идет на такой разговор, хотя неприхотливые вкусы порой дают себя знать. К примеру, на спектакле «Девушка с ребенком» (пьеса А. Яковлева по мотивам комедии В. Шварцкина «Чужой ребенок» про-

изводит странное впечатление, поскольку написана по мотивам пьесы, к тому же довольно устаревшей) зал был тоже полон. С удовольствием воспринимались и куплеты, в которых не было ни поэзии, ни даже опереточного шарма, и танцы, в которых исполнители, мягко говоря, не блистали, и трюковые временами сценические трюки. В театрах охотно ссылаются на то, что зритель любит комедию, — в отличие от общепринятого обычного Н. Орлов в данном случае ни на что не ссылался, сказал только, что во время выпуска этого спектакля болел, и, наконец, просто махнул рукой. Понять его можно, хотя ставил спектакль не он — как-никак главный режиссер несет ответственность за все.

...А после «Кафедры» было обсуждение спектакля зрителями. Действие пьесы В. Врублевской происходит на кафедре одного института. В течение дня перед нами раскрывается личность заведующего этой кафедрой Брызгалова, дельца от науки, разнымы, но чаще всего неприглядными способами обеспечивающего себе спокойное существование. И хотя в финале пьесы Брызгалов разоблачен, мы видим, что в другом институте он оказывается на такой же должности. Смотрели спектакль студенты, аспиранты и преподаватели челябинских вузов. Общее мнение складывалось примерно следующее: пьеса правильная и нужная, но на нашей кафедре (говорил едва ли не каждый выступающий) такого, конечно же, быть не может, у нас лучше. По-видимому, некоторые зрители были удивлены и смущены прямой разговора, который ведет в «Кафедре» театр. И в связи с такими спектаклями возникает проблема зрителя — того зрителя, на которого в принципе должен ориентироваться областной театр. Ведь перед

ним не может стоять тот вопрос, который неминуемо встает перед театром столичным: ориентироваться на какую-то определенную зрительскую группу или на зрителя вообще? Недавно на страницах «ЛГ» Марк Захаров, главный режиссер московского Театра имени Ленинского комсомола, размышлял о том, что же такое успех у зрителя. Ему легче — его театр последовательно ориентируется на молодежь, которая обеспечивает спектаклям грандиозный успех, всеми правдами и неправдами добывая тот самый «лишний билетик». Но у этого успеха есть и обратная сторона — прошлой весной в зале Театра имени Ленинского комсомола выступал Орловский тюз, гастроль которого в Москве привлекли большое внимание. Так вот, на улице Чехова у театра я разговаривал с одним очень молодым человеком, который пытался продать свой билет. Я сказал ему, что спектакль, на который он не собирается идти, очень хороший, а он мне ответил: «Вот если бы в этот театр (Ленинского комсомола. — Ю. С.), я бы пошел». Марк Захаров может гордиться, но и задуматься ему есть над чем: его спектакли не только эстетически воспитывают зрителя, но и приучают его к одному, определенному виду театра и тем самым, в известной степени, отучают от других.

Челябинскому театру (как и любому другому, работающему на периферии) такой путь, естественно, заказан — он должен работать на все «возрасты», должен удовлетворять все эстетические вкусы, при условии, разумеется, что это действительно определившиеся вкусы, а не случайные пристрастия. Я бы разделил по этому признаку зрителя на две категории: одни любят, чтобы все было «как в жизни», другие — чтобы было «не как

в жизни». Челябинский театр работает именно для первой категории, но не очень последовательно. Прав ли он в этой своей непоследовательности? Несколько лет назад можно было ответить — да, прав, поскольку одна категория зрителей не могла в то время обеспечить театру полный зал. Но сейчас на этот вопрос я бы ответил иначе, поскольку зритель уже пошел в театр, зал уже полон, и прямая нужда в компромиссах, на мой взгляд, уже миновала.

Вот почему я несколько насторожился, услышав, как после генеральной репетиции нового спектакля «Варлам, сын Захария» И. Гаручава и П. Хотьяновского заместитель директора театра по зрительской работе: прекрасный спектакль, и зритель на него, конечно же, пойдет. Категоричность подобного утверждения заставила было меня предположить, что речь идет о чем-то вроде «Девушки с ребенком». Потом я посмотрел спектакль — и с радостью убедился в своей ошибке. Да, посещаемость театра в данном случае себе, наверное, обеспечит, но не ценой компромиссов.

...Варлам Арабули — достойный, хороший человек. В нем есть и чувство собственного достоинства, и сила, и одухотворенность. Впрочем, последнее качество в нем проявляется после того, как к нему приходит молодой следователь Алексис и сообщает, что Варлам, надо полагать, виновен в нарушении Уголовного кодекса (было когда-то одно дело о хищениях, и Варлама признали невиновным, а вот Алексис что-то вроде бы раскопал) и лучше всего ему самому признаться. И мы видим, как в Варламе просыпается душа, видим, что этот давний грех начинает жечь его. Наверное, вряд ли есть смысл пересказывать все перипетии сюжета — он достаточно напряженный, но все же главное, что приковывает в данном случае наше внимание, — внутреннее состояние героя.

Вот такой, если хотите, эксперимент по превращению не очень театрального города в театральный идет сейчас в Челябинске. Эксперимент, требующий не только умения не отступать от собственных принципов, но и терпения, и даже определенного мужества: я имею в виду то мужество, которое нужно, чтобы отказаться от успеха любой ценой.

Ю. СМЕЛКОВ